

РУССКИЙ ЯЗЫК В ВУЗАХ

В. К. ХАРЧЕНКО

Белгород

О некоторых «белых пятнах» на карте лингвистического знания

Проблема поиска неизученного в области лингвистической мысли, как, впрочем, и в других областях, требует максимально корректного подхода к обширному комплексу «уже изученного», в частности осознания того непреложного факта, что и старые темы нельзя надолго оставлять без внимания, упускать эти поля зрения. Остро нуждаются эти «примелькавшиеся» темы в обновлении теоретических постулатов, пересмотре материала исследования с позиций новых веяний лингвистической мысли. И тем не менее иногда мы вправе задать себе вопрос: «Существуют ли «земли», на которые не ступала нога лингвиста-исследователя?» Остановимся на пяти таких «пространствах», проблемных зонах, в равной степени и притягательных, и достаточно сложных для первопроходцев.

Первой темой, которой только недавно начали активно заниматься, является лингвистика старческой (возрастной) речи. Если структуру любого научного поиска представить в виде триады «материал — метод — теория», то по отношению к геронтолингвистике сложности начинаются со сбора материала: что именно в собранном материале признать «возрастным» и что социальным, гендерным, профессиональным, индивидуальным. С. Есин заметил, что *постным* масло назовут те, кому за семьдесят, молодежь выберет другие слова: *растительное, подсолнечное*. Закономерно также, что су-

щественное *давление* становится частотнее в речи человека, перешагнувшего возрастной «экватор». Какую тонкую интуицию надо развить в себе, чтобы улавливать лексические свидетельства возраста и старения, тем более что сами эти свидетельства также меняются со сменой эпох! Конечно, можно отчасти вести поиск материала по художественным текстам¹. В устной разговорной речи можно отталкиваться от реминисценций, цитат, крылатых слов — такой банк данных собрать, пожалуй, несколько проще, нежели составить «словник старения». Даже такая узкая тема, как «Междометия в речи лиц преклонного возраста», обещает «свой материал» при достаточно объемном подходе к информантам. Вот бабушка в маршрутном такси обращается к женщине средних лет: *Мне надо до Кирова; Вы там сходите? Сходите? Ой, умница*. (4 нояб. 2004 г.). Звукоподражательные слова мы традиционно соотносим с детской речью, но, оказывается, и в речи пожилых людей таких слов немало: *Получаю я квартиру, в Калининграде! Я, подполковник. Заносят мне стол в дверь: Бэм! А тут звонок: соседка! (12 окт. 2005 г.); Я наблюдала, как голубь ухаживал за голубкой: бу-бу-бу! А люди как звери... садисты. Дети совсем без ласки растут (14 окт. 2005 г.)*.

¹ См.: Харченко В. К. Речь старого человека в новеллах М. Коцюбинского // Творча спадщина М. М. Коцюбинського I сучасний літературний процес. — Одеса, 1989. — С. 96–97.

Выигрышной может стать и такая тема, как метафорика старческой речи, персонификация в устах пожилых людей (*Плохо? Плохо тому, земля на кому!*). Кстати, в самих формулировках конкретных тем корректнее писать не о стариках, а о лицах пожилого возраста. Почему? Много лет изучая детскую речь, которой в плане устойчивого интереса к ней повезло значительно больше, занимаясь вплотную составлением словарей детского языка, мы иногда спрашивали подростков: *Скажи, старость — это плохо или все же есть что-то хорошее и в старческом возрасте?* К немалому нашему удивлению, дети — увы! — были единодушны: *Плохо — все! — Да что же? — Скоро умрешь* (Один ответ); *Внуки шумят* (такая желанная для стольких людей перспектива «внуками» интерпретировалась как «минус»); *Все купаются, а ты в тенечке лежишь (да спасибо, что на пляж взяли!)*. Само слово *старость* постепенно лишилось положительных коннотаций, позитивных оценочных смыслов. В чем-то, по-видимому, виноваты и сами стареющие: мы не рассказываем о приобретениях каждого возраста, не делимся искусством стареть. Лингвистика речи пожилых людей многое могла бы открыть в плане управления внутренней коммуникацией языковой личности.

Второй темой для возможного исследования, точнее вторым направлением, мы бы назвали внутрисемейную речь, порождающую собственные специфические трудности своей закрытостью. Исследователь вынужден, начиная сбор материала, или становится не только субъектом, но одновременно и объектом исследования, или же довольствоваться неспешным сбором случайно услышанного. Приведем пример: молодой мужчина по мобильному телефону говорит, по-видимому, супруге: *Масик? Масик! Я, знаешь, откуда звоню?* (Ребенок лет трех отходит в сторону.) *Захар, иди сюда! Я из Новомихайловки звоню (под Туапсе)! Вагончики просто супер!* (сент. 2005 г.). Идеальный вариант — составить анкету-опросник, причем составить так, чтобы информанты охотно делились языковыми «изюминками» семейного бытия.

Внутрисемейный язык, разумеется, так же как и старческая речь, не может не отражаться в текстах художественного произведения. В этом плане характерен следующий отрывок из романа Алексея Слаповского «Анкета»:

В положенный срок Ольга Владимировна почувствовала, что беременна.

Они были счастливы. Они часами гуляли, называя будущего сына Алешей, Алешечкой, Лешечкой, Лелунчиком, Шунчиком, Чунчиком, Лексиком, Алексиком, Ляльсиком, Алексюшечкой, Аленьким Цветочком, Лешечкой-Лепешечкой, Лешечкой-Крошечкой, Лукошечкой, Хорошечкой, Люсюсюнчиком... Лешмандиком, Алле-Селе, Леш-Клеш, а также — Лесик-Куролесик, Лестик, Люстик, Листик, Чистик, Стиг-Прыг, Стишок, Лесиокус-Фокус, Шок-Фок, Люлек-Бегунок, Люлюшка...

Родилась девочка.

Они не огорчились. Они приняли это как разумные люди. Но слишком долго они возились с именем и не в силах были отказаться от него, поэтому и назвали девочку необычным именем — Алексина. Есть же Александра, почему не быть Алексине?

Гипокористические имена целесообразно изучать прежде всего на материале внутрисемейной речи². Доцент Белгородского государственного университета Т. Ф. Новикова на занятиях с учащимися Майской гимназии (Белгородский район) предложила неожиданное задание: образуйте производные от собственного (своего!) имени. Победила Наталья Ч., которая привела 59 вариантов. При этом девочка не отошла от звукового облика самого имени (таково было изначальное требование со стороны учителя).

Следующим заданием было обыграть в поздравлении семантику имени адресата (например, *Евгений* — «благородный», *Александра* — «мужественная»). При выполнении этого задания больше учитывались имена близких и дорогих людей.

² См. об этом: Харченко В. К. Оказиональные деминутивы в языковом пространстве семьи // Словообразование как факт. Вып. 3. Механизмы и структуры. Сб. научн. статей. — Орел, 2004–2005. — С. 18–21; Харченко В. К. Внутрисемейное словотворчество // Слово. Словарь. Словесность: экология языка. Материалы Всероссийской конференции. — СПб., 2005. — С. 51–53.

Особенности внутрисемейной речи отражаются не только в устной, но и в письменной форме. Ср., например, записки членов семьи:

Лапик! Кушай! Всего тебе хорошего, хорошо поработать! Лап, я приезжал, но без ключа. Лапичек! Всего тебе самого хорошего! Не грусти об О.Н., Лапичек! Не скучай б'меня. Я.

На материале таких записок можно проследить феномен, удачно названный В. П. Изотовым «графическим словообразованием»³. Обращения могут быть оформлены в записках по-разному:

1) Л-к! Я перетревожился, приехал, увидел сумки и уезжаю. Не задерживайся сильно. Звони! 2) Л-кь? Возьмешь? Вообще-то можно и по Нечкиной, которая есть дома. 3) Л-кь! Все ли хорошо? Сын; 4) Лапъ. Я очень долго, до 17-30.

Разнообразен и набор глагольных префиксов: *Мы прикупили... я приобщила материал... Занавесочки попустирала... поприехали гости.*

Формой фиксации внутрисемейного языка может послужить частная переписка, хотя надо учитывать условности и традиции письма как жанра.

Наконец, обозначим и такую неисследованную сферу внутрисемейной речи, как любительское стихотворчество, хотя оно лишь частично входит в стихию внутрисемейной речи, а больше касается стихии личного творчества вообще. Стоит ли лингвисту заниматься дилетантскими стишками? Мы все больше убеждаемся, что стоит, потому что в таких стихах тоже есть своя поэтика: система метафор, игра антитез, особое интонирование. Приведем в качестве примера стихотворение, написанное ко дню рождения старшей сестры:

Муся – солнышко мое, Я подсолнушек ее,
Муся – яркий мой цветочек, Я при ней всего листочек.
Муся – розочки цветы, Я ж от розочки шипы.
Муся – белая ромашка, На ромашке я – букашка,
Муся словно незабудка, Я ж забудь-через-минутку.
Муся – колокольчик синий. Я ж на нем роса иль иней.
В общем, я совсем не цветик, Но мы вместе с ней – букетик.

³ Изотов В. П. Еще раз о графическом словообразовании // Словообразование как факт. – Вып. 2. – Орел, 2003. – С. 15–16.

Во внутрисемейной речи далеко не всегда реализуются положительные смыслы. Так, на одной научной конференции рассматривалась «острая» проблематика «Семья как поле битвы». Конфликтогенные ситуации достаточно часто бывают predeterminedены и спровоцированы лексикой, которая вполне допустима и привычна, но содержит незаметные «ядовитые кристаллы» надвигающейся ссоры (*маменькин сынок, не лезь в бутылку, не с той ноги встал* и т. п.). Читатель понимает, что в перспективе здесь заложен возможный вход в такую сверхсложную задачу, как совершенствование управления внутрисемейной коммуникацией, в частности через языковые табу.

Третья тема, третье возможное направление лингвистического поиска – язык семейных родословных – сочинений свободного характера на тему «История моей семьи». Собранный фонд родословных (около 800 сочинений) не более чем капля в океане совокупной «историко-семейной информации», требующей изучения, в том числе с позиций языкового позитива.

Проводимые в качестве творческой работы среди студентов и взрослых, получающих заочное (нередко – второе высшее) образование, сочинения представляют собой выразительный материал, позволяющий исследовать определенные аспекты отечественной истории и социологии, краеведения и фольклористики, педагогики и психологии, этики и эстетики, причем исследовать с неожиданных подчас позиций сохраняющихся в семейных историях ценностей, деталей, «мелочей». Лингвистические аспекты семейных родословных для наблюдений и обобщений не менее актуальны. Рассмотрим некоторые из направлений исследования.

Перспективной представляется такая тема, как «персоносфера семейных родословных». Богатейший материал по антропологии делает сам жанр семейных родословных надежным средством изучения функционирования имени в ситуации смены поколений. Списки имен родственников автора текста дают возможность увидеть разнообразие (*Соломонида, Феона, Ефрем*) и динамику корпуса личных имен, образование гипокористических имен, пробле-

му мотивированности в выборе имени. Так, в одном сочинении повествуется о том, почему автора назвали *Инной*. Мама девочки жила тогда в студенческом общежитии, где у молодой супружеской пары родилась дочь *Инна* — дитя общежития. Ее по очереди нянчили и дали зарок: своих будущих дочерей назвать этим именем. Так появилось семь девочек по имени *Инна*. Отдельные фрагменты в родословных посвящены истории фамилий, не обойдены вниманием и прозвища, в том числе семейные, т. е. родословные дают возможность проникнуть в игровую семейно-дружескую герменевтику имени.

Внимание исследователей не может не привлекать и концептосфера семейных родословных. В первых, жанр истории семьи дает возможность изучать типовые концепты в их языковом выражении («семья», «труд», «праздники», «детство»); во вторых, этот жанр дает возможность изучать оригинальные концепты, раскрываемые прежде всего в заявленном жанре. Вербализация концепта случая (благоприятного) и концепта знакомства (как и где познакомились «он» и «она») — почти неотъемлемый компонент сюжетостроения семейных историй, равно раскрываемый применительно к различным возрастным группам. Типичен для данного жанра концепт «быт» (что ели, как одевались, как проходил день, какова была домашняя утварь). Родословные выполняют функцию «музейной лингвистики» с перечислениями, а то и небольшими описаниями таких «экспонатов», как макитры, кубышки, рушники, подзоры и пр. Наконец, третье направление исследования концептосферы родословных — это изучение концептуальных лакун. Именно родословные отражают систему таких почти утраченных ценностей, как сверхмногодетность (десять и более детей в семье), или сверхдолголетие, или личный героизм. Здесь мы касаемся очень серьезной проблемы временной действительности. Все перечисленные ценности требуют популяризации в хорошем смысле слова.

О героизме нужно говорить. Поделюсь своими наблюдениями. В середине октября 2005 г. ехала я в Орел и

попутчик рассказывал о военных действиях и своем участии в них в Саудовской Аравии в 1973 г., о подвиге в ЮАР в 1984 г., о мужестве моториста подводной лодки, о Камчатке, об одиннадцатибальном шторме в Тихом океане (где тоже был совершен подвиг, хотя само это слово не произносилось), наконец, о том, как в Ялте на желанном купленном «Запорожце» упала в пропасть вся семья: жена, дочери, внуки, зять. Рассказчик работает сейчас прорабом в Москве. Дома попугай и овчарка. *«Они и держат меня. Прихожу — а попугай орет: полундра! Хозяин в гневе!»*

При чем тут лингвистика и концептуальные лакуны? — спросит читатель. Но не лингвисту ли начинать возрождать ценность озвучивания (вербализации) личного героизма? Непроговаривание пережитого грозит большими потерями для личности и для социума.

Следующий возможный аспект — аксиология семейных родословных. Описание членов семьи почти всегда сопровождается щедрой эмоциональной оценкой. Оценочные характеристики срабатывают иногда и как сюжетобразующее средство, требуя мотивировки и детализации. История семьи представляет собой концентрацию и консервацию положительных смыслов, позитивной модальности высказывания, и даже в тех случаях, когда пишется о чем-либо трагическом или некрасивом, стыдном, попытка мудрого осмысления «постфактум» включает акцентирование плохого.

Занимаясь проблематикой сквернословия, мы иногда задавали себе вопрос: «Да можно ли «культурно ругаться»?» Некоторые свидетельства в этом плане дали нам записи внутрисемейной речи и текстов родословных. *«Змей Горыныч!»* — воздев руки к потолку, высказалась интеллигентная женщина 76 лет в адрес соседа, извонившего по выходным всех звуком дрели. *«Черт Поленыч»*, — бранилась другая женщина. Семейное предание сохранило целый словарь ее оценочной лексики (свыше 50 единиц).

Частным аспектом может стать диахроническая аксиология. Например, такое обозначение, как *почетная*

крестьянская семья или почетный житель села, может составить предмет отдельного описания. Ср.:

Всем заправлял в семье дед Андриан: он невесткам поручения давал, сыновьям указывал, что делать, детишек приструнивал. Прожил он 116 лет, 16 из них был слепым, но, несмотря на это, оставался главой семьи. Стали его сыновья своими семьями жить. Демьянов Егор Андрианович женился на Дубенцовой Наталье Порфирьевне, и было у них 6 детей: Прокофий, Николай, Сергей, Петр, Павел и Марфа. Очень гордился дед Андриан невесткой Натальей – женой Егора, что пять сыновей родила, ведь на каждого лица мужского пола выделялась земля... Жили дружно, землю обрабатывали, растили детей. Он был типичным русским крестьянином. Честно и добропорядочно жил он, а похоронили его на церковном кладбище как почетного жителя села.

Интересно описать фразеологизмы и пословицы в семейных родословных. Наряду с традиционными, ожидаемыми поговорками, в родословных используются почти неупотребительные, забытые речевые клише, как правило, в составе характеристики родственника, любившего повторять ту или иную поговорку, поговорку, фразеологизм (*От родни не убежишь*. Бабушка одинаково хорошо *владела и пилкой и иглой*). При дефиците сведений о далеких предках речевые особенности личности сохраняются в памяти семьи достаточно прочно. Жанр приобретает своего рода «многоголосие» и, следовательно, дает ценный материал для постановки проблемы индивидуализации речи, причем речи не художника слова, писателя, а вообще каждого человека.

Автор пишет о близком человеке, и в речевых предпочтениях мы иногда узнаем возрастную типаж:

Бабушка всегда говорила две свои значительные фразы: «Я жизнь прожила» – далее следовало подробное объяснение, как и в какой последовательности нужно что-либо делать (фраза должна была отменить предполагаемые попытки сделать по-своему). <...> Вторая фраза могла предназначаться как маме, так и мне, и в ней тоже фигурировало слово «жизнь»: «Я на тебя жизнь положила», – говорила бабушка в случае, если ее обижали.

Зачины и концовки семейных родословных требуют осо-

бого подхода. Анализ рамочной конструкции необходим для понимания специфики жанра, однако эти части сочинений, пожалуй, наименее интересны, поскольку авторы за редким исключением ограничиваются рассуждениями о ценности семьи, значимости памяти предков, боясь самоидентификации с Иванами, родства не помнящими, причем последнее касается и тех, кто начинает историю семьи не с третьего, а с четвертого, а то и с пятого колена. Стандарт начала и несколько реже стандарт конца вместе с тем срабатывают как жанроукрепляющее средство, удерживающее динамичный «хронотоп» серединной части развернутых семейных историй. Согласимся, быть талантливым в обобщениях на порядок труднее, нежели талантливо описать частности жизни. По существу перед нами общее, единообразное начало всех родословных и общий, тоже почти единообразный «аккорд» конца (*дочь... сын... внучка... когда-нибудь напишет продолжение этой родословной*).

Возможно развернутое изучение элементов художественности в стиле семейных родословных. Можно исследовать заявленные элементы выборочно: эпитеты, одиночные и развернутые метафоры, сравнения, градационные ряды, риторические вопросы и т.п., но к данному аспекту можно подойти и более широко, если учесть, что эстетика родословного текста усилена и обусловлена его этикой. Писать о близких – значит писать ответственно, вдумчиво, красиво, что дает возможность наблюдать и отслеживать лучшее в речи. С этой целью мы включили некоторые отрывки из семейных родословных в «Словарь богатств русского языка», демонстрирующий редкие слова, метафоры, афоризмы, цитаты⁴. Эти отрывки подчас иллюстрируют то или иное слово отнюдь не слабее привычных и примелькавшихся «классических» иллюстраций.

⁴ См.: Харченко В. К. Словарь богатств русского языка: Редкие слова, метафоры, афоризмы, цитаты, биографемы: В 2 т. – Белгород, 2003 (Издание осуществлено в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» в 2003 г.).

Прагматический потенциал семейных родословных как тема возможного исследования связывается не только с оценочными пластами. Заинтересованность авторов, их отношение к тексту в целом и его деталям — хорошая почва для отслеживания прагматических ресурсов таких сочинений о семье. Этот аспект, пересекаясь с аксиологическим, носит гораздо более широкий характер. Скрытый педагогизм семейных родословных, использование их как средства воздействия стимулируют усиленное внимание к прагматическим возможностям рассказываемых семейных историй. Пружинная сжатость изложения, ограниченность текстовой площади оборачивается символической насыщенностью, силой воздействия «просто небольшого рассказа». Дефицит «страстей» в современной жизни, которым объясняют тягу к детективам и мелодрамам, для говорящего устраняется, когда заходит речь об истории его семьи, в которой концентрированно проступают трагическое и возвышенное.

Четвертой возможной темой лингвистического анализа является общение с животными. Здесь имеют место свои обращения, своя фразеология, свой набор междометий, оценочные пласты, приемы персонификации любимого существа: — *Пасись, Миша, ты хороший мальчик* (пожилой мужчина в адрес белого козла). Женщина лет пятидесяти в поезде черному пекинесу: — *Кушай, Тимош! А то сейчас пойдешь гулять с папой. Кушай, зайка! <...> Молодец, хорошо покушал!*

Пятая из не исследованных до сих пор тем — язык закрытых городов. Эту тему мы только очерчиваем, выдвигая всего лишь гипотезу, что в закрытых городах функционирует свой язык и возможны поиски языковых универсалий таких научных центров. В частной беседе мы как-то спросили одного преподавателя о причинах оригинальности и образности его речи. — *А у нас [в Красноярске-26, где прошли школьные годы] все так говорили!* Разговор будто бы забылся, но при формулировке неисследованных областей лингвистики подумалось, что необходимо поработать в этом направлении.

В данной статье мы неоднократно и намеренно подменяли слово *речь* сло-

вом *язык*. Разницу между этими знаковыми понятиями может объяснить любой студент, особенно перед экзаменом по теории языка. Привычка относиться к детской речи как к речи, к устной разговорной речи как к речи, к внутрисемейной речи тоже только как к речи — не языку, на наш взгляд, отнимает многое от общенационального языка, перекрывая фиксацию живой подпитки языка неизбывным процессом языкотворчества. На уровне коллективного бессознательного строгая дифференциация языка и речи обедняет представление о реальных языковых (именно языковых!) богатствах, что так важно сейчас, в непростой для русского языка период.

О «белых пятнах» писать «опасно»: вдруг-де что-то уже появилось? Мы обозначили лишь пять векторов возможных исследований, из которых сами занимались вплотную только языком семейных родословных⁵. Начала изучаться внутрисемейная речь и речь пожилых людей. И тем не менее нам захотелось поделиться с читателями своим видением некоторых «белых пятен» лингвистики. Поделиться потому, что, по справедливому наблюдению М.Н. Эпштейна, высказанному еще в 1974 г., в отечественной гуманитарной науке наблюдается дефицит манифестов, программ, проектов⁶. Кое-что «мелькает из будущего» на публичных защитах, особенно во время свободных дискуссий. Полагаем, однако, что возможны и специальные публикации, подготовленные в жанре набросков, чертежей, планов.

⁵ Назовем некоторые публикации: Харченко В.К. Жанр семейных родословных как фактор формирования языковой компетенции // Развитие личности в дошкольном и школьном образовании... Материалы международной научно-практической конференции. — Ч. II. — Белгород, 2003; Культуротворческий потенциал семейных родословных // Проблемы русского и общего языкознания. — Межвузовский сборник научных трудов. — Вып. 2. — Елец, 2004; Прагмалингвистика сюжета в жанре семейных родословных // Лингвистические и методические основы филологической подготовки учителя-словесника: Материалы международной научно-методической конференции. — Т. II. — Старый Оскол, 2005.

⁶ См.: Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. — М., 1988.